

Владимир Кошкин

Информация, демократия, терроризм

Монолог о свободе и зависти

Моим сыновьям

1. Декларация о намерениях

Многие полагают, что Третья мировая война уже идет. Я тоже так думаю. Война началась, конечно, не с момента вторжения армий США и Великобритании в Ирак и не 11 сентября 2001 года, а значительно раньше. Это не война государств, не соперничество наций, не борьба за рынки или сырье, хотя, разумеется, и эти мотивы присутствуют, но они, скорее, используют имеющееся неизмеримо более глубокое противостояние. Это не схватка тоталитаризма и демократии, не противостояние религий, ислама и христианства, как может казаться с первого взгляда. Причины этого противостояния интернациональны, интерконфессиональны и экстерриториальны.

Эта война началась не так, как все войны. Уже сейчас очевидно, что и стратегия новой войны не будет иметь ничего общего с военными кампаниями прошлого. Начавшаяся война будет беспрецедентна и по длительности, если исключить () столетние феодальные войны средневековья, которые были (зато) ограничены сравнительно небольшими территориями и велись профессиональными армиями. Новая мировая война будет длиться несколько десятков лет – порядка времени воспроизводства двух-трех поколений населения (сорок лет Моисея).

Это не прорицание в духе Нострадамуса, а следствие анализа, который мы попробуем вместе с вами провести в этой статье. Мы попытаемся проанализировать причину глобального конфликта, может быть, с несколько иной точки зрения, чем общепринятая: не столько на основе рассмотрения экономических движений, но исследуя и психологические мотивы людей, составляющих популяции. Мы попытаемся обсудить стратегии обеих сторон конфликта и показать, что стратеги демократических государств, западной цивилизации с неизбежностью вынуждены будут применить те же методы, что применяют их нынешние противники.

Я надеюсь показать, что не сама по себе нищета громадной части населения Земли является причиной глобального конфликта. Непосредственная причина (или скорее спусковой крючок конфликта) – появление совершенно новой, немыслимой ранее глобальной информированности населения, которая привела к возможности прямых

сопоставлений уровня существования каждого с уровнем жизни на другом полюсе личного достатка.

Мы обсудим, что определяет психологическую силу протеста и что является материальной силой, которая позволяет заведомо слабейшей стороне вполне успешно противостоять неизмеримо более сильной и в экономическом, и в военном отношении. Мы обсудим, как формируется эта сила. Вместе мы попытаемся составить прогноз на ближайшие пару десятков лет.

Моя декларация о намерениях выглядит, конечно, возмутительно {{ претенциозно, особенно в исполнении человека, который профессионально занимается главным образом физикой. {{ Это взгляд на сегодняшний мир глазами, вероятно, наивного, но, кажется, непредвзятого человека. Может быть, этот взгляд не безумен?

Впрочем, не впору ли всем нам сойти с ума от тех проблем, с которыми мы столкнулись и которые собираемся обсудить? Может быть, мир сошел с ума?

2. Сошел ли мир с ума?

Нет, мир не сошел с ума. То, что происходит с нами сейчас, вполне анализируемо и кажется даже предсказуемым.

Начнем с распространенной интерпретации причин терроризма, основанной на констатации того действительно неоспоримого факта, что из шести миллиардов населения Земли только один миллиард живет в достатке, а остальная часть – в нищете. Уж очень большая разница в уровне достатка всегда приводила к так называемым "классовым" столкновениям и социальным революциям, но в "одной, отдельно взятой стране". Уровень достатка всегда был распределен неравномерно и в масштабе отдельных стран, и в масштабе всего мира. Деятельность Первого и последующих Интернационалов имела целью глобализировать классовое противостояние, и это почти удалось. Вспомним революции в Германии и Венгрии, которые последовали за Октябрьской революцией в России. В начале XX века по Европе действительно бродил "призрак глобализации коммунизма". Но национальные границы помешали этому. Пролетарии всех стран не соединились.

Во второй половине XX века глобальные, географические градиенты достатка стали более актуальной силой, чем значительно меньшие диспропорции достатка в пределах какой-либо одной страны. Европа, Северная Америка, Япония, Австралия (условно "Север") богаты, а "Юг" беден. Социальное противостояние глобализовалось. Вслед за экономикой или одновременно с нею, но, как мы увидим, по одной, общей причине. Это приводит к массовым протестам Юга и его борьбе за передел глобального достатка.

Страны Севера неизмеримо более сильны в экономическом и в военном отношении. Поэтому военные действия в классическом понимании, инициированные Югом против Севера, сейчас, по крайней мере, исключены. Возрастающий массовый протест Юга выражается в доступной для него форме войны – партизанских действиях небольших групп, просто крохотных по сравнению с численностью регулярных армий и государственных институтов безопасности.

Каков механизм возникновения этой конфронтации, которую многие уже квалифицируют как Третью мировую войну? Оставим сейчас в стороне болезненный вопрос о том, насколько происхождение богатств Севера определяется эксплуатацией населения стран Юга. {{{

Поставим вопрос о взаимоотношениях "Север – Юг" иначе.

Стало ли население южных стран жить хуже в последние пару десятков лет по сравнению с тем, что было до начала террористической войны?

Хорошо известно, что народонаселение Юга в последние десятилетия быстро возрастает. Это значит, что детская смертность уменьшается, и для среднего человека вероятность дожить до детородного возраста выросла. Таким образом, население Юга объективно (а не в сопоставлении с Севером) живет сейчас лучше, чем два-три десятка лет назад. Почему же массовый протест и терроризм нарастают? В чем причина? Попробуем разобраться с помощью сведений из психологии и собственных житейских наблюдений.

3. Глобализация информированности и глобализация ненависти

Существеннейшая черта поведения коллективных животных (диких парнокопытных, волков, обезьян...) и людей, конечно, – выполнение правил иерархии в стаде, стае, племени. В каждом таком коллективе определяется лидер, затем некая группа особей, которые составляют приближенную элиту, далее следуют группы, более отдаленные от лидера. Первые номера в иерархии получают лучшие куски, последующие – все хуже и меньше в зависимости от ранга. В каждой группе постоянно идет борьба не только за место лидера, но и за любое повышение ранга особи в сообществе. Почти невероятно, чтобы представитель низшего ранга в иерархии "перескочил" непосредственно в самый высокий ранг. Ему предстоят "переходные" бои, последовательно по рангам – как в боксе, шахматах или футболе. Каждый из нас не только наблюдает это, но и участвует в подобных играх в течение всей жизни, не так ли? И всякий раз индивидуум сравнивает свой пай в общем деле и свой куш в дележе.

Мне лично редко доводилось встречать людей, которые занижали оценку своего вклада и переоценивали вклад ближнего. Я очень редко видел и людей, которые не считали бы свой достаток, свой "куш" незаслуженно малым по сравнению с достатком соседа. Вряд ли, дорогой читатель, вы имели более счастливый опыт. Очень часто это различие оценок собственных достоинств и успехов соседа приводит к чувству, которое называется завистью. У одного это чувство приводит к форсированию собственных усилий для достижения того ранга в иерархии, которого он, по его мнению, заслуживает. Это, так сказать, "конструктивная зависть". У другого это чувство перерастает в ненависть, в желание уничтожить неприятный для себя пример соседа, и даже соседа как такового. Это – зависть деструктивная.

Важно отметить: зависть возникает по отношению к соседу (или коллеге), который живет (или работает) рядом, о достатке и достоинствах которого можно судить – объективно или нет. Поэтому столкновения, вызванные завистью, всегда локальны, они ограничены кругом информированности "завистника"...

Нечто новое возникло в человечестве к концу XX века. Жизнь граждан стран Севера (в бытовых, каждодневных ее проявлениях) стала известна каждому, в том числе и массово бедному люду Юга. Пресса и телевидение принесли это знание в каждый дом. Телевидение – документальное и художественное – рассказало (и показало), что богатые северяне "тоже плачут". Когда выяснилось, отчего же они плачут, никакого сочувствия у южан это не вызвало, поскольку беды последних действительно намного серьезнее. Южанин получил

возможность прямого сопоставления своего достатка с уровнем благосостояния северянина, который стал теперь – по степени знакомства с его жизнью – близким "соседом". Южанин "убедился", что, будучи ничуть не хуже северного соседа, он живет в безысходной нищете. Он не стал выяснять исторические причины этого вопиющего неравенства, не стал разбираться в экономических обстоятельствах: ведь в среднем человек Юга очень мало образован. Он воспринимает информацию эмоционально. И эмоции эти – сильны. Ведь в самом деле уровни достатка поражающе различны.

Среднему южанину совершенно ясно, что никакие собственные усилия не приведут его ни к уровню жизни северного соседа, ни к более высокому положению в теперь уже глобальной иерархии. Это уже не просто зависть. Это ненависть, которая накапливается, чтобы стать "гроздьями гнева". Как заметил американский политолог Роберт Каплан, "рациональные факторы и прежде не были главной движущей силой в социальных событиях".

Какова причина народной, именно народной ненависти арабов Палестины к Израилю? Это совсем не желание вернуться на земли предков. Это – результат сопоставления северного уровня жизни в Израиле с нищенским существованием на землях арабской Палестины. Действительно, как оправдать (для себя!) то, что соседний Израиль, рядом, в десяти милях, на тех же камнях выращивает пшеницу и экспортирует ее в другие страны, а в Палестине есть нечего... Это удастся объяснить только происками "мирового сионизма", с которым и следует беспощадно бороться.

Но заметьте, что наиболее массовые "антисеверные" (главным образом, антиамериканские) выступления имеют место в арабских странах, в Пакистане, в Индонезии, а не в странах Африки. А ведь Африка живет еще намного беднее, чем, например, Индонезия и Палестина и, казалось бы, протест там должен звучать сильнее. В чем же дело?

Мне кажется, дело в том, что телевизоров в Африке меньше – именно из-за бедности. Глобализация информированности еще не захватила Африку. Американец для среднего африканца еще не стал "соседом" в том смысле, о котором мы говорили выше, африканец еще не сопоставляет эти уровни достатка. Классовые и этнические противостояния в Африке приводят к многочисленным, но именно и только к локальным конфликтам.

Глобализация информированности порождает глобализацию противостояния.

Так что же? Неужели автор хочет убедить читателя, что для спокойствия в мире следует сохранить Африку в сегодняшней нищете и привести другие бедные, но еще не настолько нищие, страны Юга к уровню Африки!?

Надеюсь, читатель повременит с выводом о махровом мракобесии автора, который, однако, ответственно заявляет, что, по его мнению, глобализация информированности преждевременна и исключительно опасна для всего мира. Более того, ***демократия может стать безопасным для выживания человечества способом управления обществом лишь тогда, когда уровни жизни и образованности в среднем будут достаточны, чтобы она "работала" на пользу общества, а не во вред ему.*** (Впрочем, уровень образованности обычно и коррелирует со средним уровнем достатка). Ниже я постараюсь оправдать свои реакционные заявления.

Приведу один пример (из статьи Д.Форрестера), чтобы показать, что нередко социальные решения властей, основанные на интуитивных

идеях добра, не всегда приводят к добру: "Президент Эйзенхауэр, придя к власти и инспектируя свою столицу, обнаружил, в каких жутких условиях живут его сограждане в черных кварталах. Скученность, безработица, многие питаются отбросами со свалки, высокая детская смертность, ранняя смерть взрослых. Потрясенный президент выделил средства из казны, чтобы построить современные дома для несчастных. Через пятнадцать лет обследование показало, что нищета в новых кварталах усугубилась, плотность населения увеличилась, смертность возросла... Конечно, сейчас все понятно: улучшение условий существования на первых порах уменьшило смертность, население выросло и через десяток лет превысило исходный уровень. А ведь президент руководствовался идеей добра..."

Как обаятельны идеи Кампанеллы или Сен-Симона! Как увлекательна идея Маркса о всеобщем равенстве при коммунизме! Мы видели, к каким устрашающим последствиям привело практическое воплощение этих идей всеобщего добра...

4. Оружие террористов

Мы видели, что протест Юга определяется не столько низким абсолютным уровнем достатка, сколько информированностью южанина о высоком достатке Севера, сопоставлением этих уровней и осознанием невозможности этого желанного уровня достигнуть. Это движущая сила протеста. Но – Третья мировая война?..

Сейчас разработаны замечательные компьютерные программы (тоже в духе глобальной динамики Форрестера, Римского клуба и теории игр), которые позволяют достаточно надежно вычислить исход любого вероятного (или невероятного) военного столкновения государств. Вводимые в уравнения параметры включают всё: промышленный и финансовый потенциал, его способность к быстрой перестройке, меру защищенности, коммуникации, возможности вооружения, численность войск, возможности резервов и еще сотни параметров, вплоть до способностей военачальников. Просто смешно сопоставлять сегодняшние военные возможности северного мира с возможностями "Аль-Каеды" и всех вместе взятых террористических групп. Казалось бы, победа северян обеспечена. И все же, северный мир боится за свою судьбу, и нет никакой уверенности, что война, объявленная Усамой Бин-Ладеном, будет выиграна северянами.

Существует ли оружие, которого развитые страны не могут произвести?

Да, такое оружие у террористов есть. Психологическое. Это отсутствие страха смерти. Террористы нимало не колеблются, убивая невинных людей. Террористы не колеблются, убивая себя. Это оружие чудовищной силы. Северный мир этим оружием не располагает. Мы обсудим позже, что может противопоставить террористам Север, но сначала проследим, как появляются такие воины-смертники – главное оружие террора.

В психике высших животных уже на уровне инстинктов заложено самопожертвование. Вплоть до готовности пойти на смерть ради избранного брачного партнера, ради спасения жизни детей или сохранения собственного клана. Как показал В.Эфраимсон, проявления такого альтруистического поведения многочисленны у животных и у людей, хотя не predeterminedены наверняка (солдат, закрывающий собой амбразуру, летчик, уводящий от города пылающий самолет, шофер, сворачивающий в стену перед прохожим). Такой тип поведения, заложенный эволюцией в генах, при определенных обстоятельствах

проявляется как инстинкт и составляет "генетическое" основание религий.

Этот инстинкт может быть целенаправленно развит – до его экстремальных проявлений. В книге Д.Ольшанского "Психология терроризма" рассказано, как это делают в школах подготовки террористов-смертников. Разумеется, главное – это последовательное воспитание в духе ненависти ко всем, кто "попирает законы Бога". Но законы эти толкует не Бог, конечно, а наставник.

Вот приведенные в книге воспоминания советского дипломата, захваченного арабскими террористами и прожившего на их базе несколько месяцев до своего счастливого освобождения. Он рассказывает о "выпускном бале" в школе смертников. Группа выпускников собирается на полигоне. Наставник выбирает одного из них. Избранный садится в автомобиль. Автомобиль начинен взрывчаткой. Впереди, в сотне метров – стена. Избранному предстоит разогнаться и врезаться в эту стену. На глазах у остальных он это делает. Не просто безропотно, а с чувством гордости и счастья. Оставшиеся выпускники убеждаются, что такая смерть – не только почетна, но и легка! И уже вскоре и они отдадут свои жизни, чтобы унести с собой десятки тех, на кого укажут наставники. Нет, не деньги движущая сила терроризма!

Как удастся привести молодых, здоровых людей к такому состоянию, когда смерть для них – счастье? Это – искусство воспитания, искусство их учителей, их проповедников.

В необычной и увлекательной книжке Александра Горбовского и Юлиана Семенова со ссылкой на источник столетней давности описано, как воспитывали смертников-асассинов в прошлом. Некий европеец, путешественник, попадает во дворец к азиатскому правителю, могущество которого определяется не богатствами или территориями, а непобедимостью его гвардии. Европеец, нашедший "задушевный" контакт с правителем, спрашивает, в чем причина славы его гвардейцев. Правитель ведет его на высокую крепостную стену, на которой стоят часовые. "Я подойду сейчас к часовому и скажу, что нужно прыгнуть вниз". – "Но это же смерть!" – воскликнул европеец. Правитель подошел к воину, сказал ему что-то, и часовой без колебаний бросился вниз. Правитель подошел к следующему часовому – и все повторилось... Кажется, потрясенный гость остановил хозяина на этом, а вернувшись в апартаменты спросил, как удастся найти таких солдат, не боящихся смерти. "Не находить – воспитывать!" – ответил правитель и рассказал, как это делается. В возрасте 12-13 лет подростка с согласия родителей забирают в гвардию. Обучают чему-то военному. Но главное – религиозному. Рассказывают о рае, о том, что право оказаться там после смерти дается только тем, кто выполняет требования Бога, которые Он возглашает устами правителя.

Это, так сказать, теоретический курс. А вот "занятия" для практического познания рая. Юношу усыпляют (с помощью гашиша, вероятно), а просыпается он действительно в раю. В чертогах, среди ковров и цветов, где прелестные женщины подносят ему яства и напитки, танцуют перед ним, ласкают его... Это действительно рай – особенно для юноши из бедной семьи – это его представление о рае. Через день или два подростка снова усыпляют и возвращают в школу гвардейцев. Теперь он знает совершенно точно, что приняв праведную (в соответствии с предписаниями наставников) смерть по приказу вождя, сразу же попадешь в тот замечательный рай, который уже однажды познал.

Такой была технология воспитания смертников пару веков назад. Сейчас эта технология, вероятно, устарела – слишком наивна даже для малообразованного по нынешним меркам человека. Но я упоминал, что в числе врожденных инстинктов у многих животных, и у человека в частности, есть инстинкт самопожертвования во спасение своей семьи и своего рода. Разве мы не знаем о многочисленных фактах, когда и в северном мире отчаявшиеся люди продают, например, свою почку, чтобы спасти голодную семью? Известны случаи, когда отчаявшийся человек страхует свою жизнь в пользу семьи, садится в самолет и взрывает его. Подобное описано в знаменитом романе Артура Хейли "Аэропорт". Так действует инстинкт сохранения рода.

Именно этот инстинкт выявляют и развивают наставники. Есть вероятность, что юноша или девушка после соответствующей психологической подготовки пожертвуют собой, чтобы семья выжила, или чтобы отомстить за смерть близких, или чтобы прославить себя во имя своего народа, своего наставника, своего пророка. Тем более что ни будущая интересная работа, ни какая-то общая цель в жизни для молодых людей в бедствующих странах даже не просматривается. И вот их жизнь будет отдана за дело всего племени, за дело, угодное Богу, за правое дело с точки зрения идеологии или религии, в которой их воспитали. Современные технологии воспитания смертников используют этот альтруистический инстинкт в целях, отнюдь не гуманных в общечеловеческом понимании. Семья шахида, выполнившего свое адское задание, получает денежное вознаграждение, и матери сами посылают своих детей на смерть – во имя своей веры, своего народа, своей семьи. Матери уверены, что их погибшие сыновья угодны Богу и обретаются в раю. Матери гордятся сыновьями-героями. И никаких кавычек! Их дети – действительно герои... Жертву собственной жизни во имя идеи принято считать героизмом. Даже если идея пагубна и неприемлема для нас? Герои ли они?

Квалификация подвига или преступления условна. Старшее поколение России, Украины, Белоруссии помнит, как мы относились к партизанам во время Великой Отечественной войны: они были нашими героями. А в глазах оккупантов и коллаборационистов они были преступниками. Так же как и "маки" в глазах полицейских Петена в полуоккупированной Франции.

Как мы восхищались террористами-народовольцами – Каракозовым, Верой Засулич, Софьей Перовской, стрелявшими в царей и министров... Молодежь 60-х годов относилась к Че Геваре и к террористам из так называемых "красных бригад" как к героям. Баскские и ирландские террористы в своей среде считаются героями... А многочисленные жертвы их акций, чаще всего совершенно непричастные к классовой, межконфессиональной или межнациональной вражде, вместе с огромной частью населения видят в них преступников, которых нельзя простить. Так же воспринимают чеченских боевиков в России, палестинских террористов в Израиле, смертников 11 сентября – в Соединенных Штатах, "тигров" освобождения "тамил илама" в Индии и Шри-Ланке. С гуманной, и в этом смысле общечеловеческой, точки зрения террористы-смертники не герои, а антигерои. Они есть главное оружие терроризма.

Впрочем, что такое "общечеловеческая точка зрения"? Одно из самых популярных в мире имен новорожденных в конце 2001 года было Усама. Написав "общечеловеческое", мы имеем в виду понимание северян, которые совсем не составляют большинства в мире. Вечная (именно вечная!) рана России – Чечня. Зверства федералов ничуть не

уступают зверствам националов. Насилие порождает новое насилие – процесс, который не имеет конца. Выход – совсем в другом измерении.

Главная опасность терроризма в том, что это оружие массового поражения. Массового психологического поражения. Количество людей Севера, погибающих в результате терактов, меньше числа гибнущих в автомобильных катастрофах. Но террористические акции, представляющие абсолютно непрогнозируемую (ни во времени, ни в пространстве) опасность для каждого гражданина, приводят к массовому страху и паническим движениям в обществе, которые могут поколебать любые демократии. Производство этого психологического оружия – готовности умереть по приказу командира – прекрасно налажено в террористических организациях. Эта технология не может быть применена демократическим миром, который провозгласил высшей ценностью именно человеческую жизнь. Я не удивлюсь, если фабрики, производящие террористов, станут торговать готовой продукцией.

Горстка героев не в силах построить мир, но горстка антигероев способна его разрушить. Север не напрасно опасается за исход начавшейся войны.

5. Государство и преступление

Если преступность не получает должного отпора, то она нарастает лавинообразно: чем выше уровень преступности, тем выше и темпы ее роста. Конечно, лишь пока ей есть чем поживиться. (Это словесное описание развития преступности, с точностью до замены терминов, совпадает с математическим описанием развития цепных реакций, и мы вернемся к этой аналогии позднее). Рассмотрим сейчас предельную ситуацию, когда преступников стало так много, что им уже не хватает, кого грабить. Тогда преступные организации конкурируют, делят сферы влияния, в том числе и пространственно. Возникают столкновения на границах. Экспансия. Укрупнение сильных и уничтожение слабых криминальных "государств", словом, естественный отбор в соответствии с классическим дарвинизмом. Я поставил кавычки у слова "государств". На самом деле их можно и убрать: исторические сценарии образования государств и методы их строительства были такими же. Александр Македонский, Цезарь, Дарий, Чингиз-хан, Иван Калита были такими же захватчиками, как современные предводители преступных кланов.

В основаниях образования любого из государств лежат преступления. Потом, чтобы обеспечить собственную стабильность, образовавшиеся государства создают законы, регламентирующие поведение людей, так что поощрявшиеся ранее акции теперь караются. Все революции заканчиваются термидором.

Демократия в Европе родилась от счастливого брака тирании и анархии. Установились и некоторые правила межгосударственных отношений, которые, впрочем, нарушаются не реже, чем выполняются. Последняя крупная попытка географического передела мира, тоже преступная, конечно, – Вторая мировая война. Третья мировая война, на грани которой мир находился в течение сорока лет (с 1946-го до 1987 года), к счастью, не произошла. Несомненно, огромную роль сыграло не только ядерное равновесие, но и постоянная и оперативная информированность противостоящих военных систем. Старт нынешнему уровню информированности населения был положен – скорее, проложен – в виде трансатлантического телефонного кабеля

между Вашингтоном и Москвой. Может быть, он и предотвратил ядерную войну.

Но экономические противостояния продолжали и продолжают существовать не только между двумя военными сверхдержавами. Что произошло, когда мир из двухполюсного стал однополярным и военные действия между крупными государствами стали маловероятны? Каков теперь характер конфликтов и как они разрешаются в условиях беспрецедентного уровня информированности, который в громадной степени определяет политические, экономические и военные решения?

Мир уже привык к слову "глобализация". Уже привык, но еще не смирился, хотя очевидна ее общая экономическая выгода. На мой взгляд, выступления антиглобалистов аналогичны движению луддитов в начале индустриализации в XVIII веке. Это столь же бесперспективно. *Если у человечества появились новые возможности в производительности труда, они будут использованы при любых обстоятельствах. Никогда не случалось, чтобы человечество заранее озаботилось тем, что произойдет через пару десятков лет.* Лишь когда неприятности грянут, мировое сообщество предпримет попытки их устранения. Наглядный пример – состояние экологии. Так что экономическая глобализация победит, в этом можно не сомневаться.

На самом деле глобализация в разных отраслях началась значительно раньше. Еще во времена Возрождения возникли так называемые "незримые колледжи" ученых: они обменивались своими результатами по почте, так что достижения и приоритет использовались и фиксировались задолго до массовой публикации. Образование эффективных транснациональных союзов ученых было более быстрым процессом, чем образование действенных международных экономических и, тем более, политических институтов, потому что необходимые для эффективности данного вида деятельности принципы могли вырабатываться напрямую, без инерционной бюрократии.

Глобализация экономики идет тем же путем медленнее – ученый мир (как и мир преступных организаций – мафий) более мобилен. Глобализация какого бы то ни было вида деятельности требует в качестве необходимой предпосылки возможность координировать общие усилия. Нужно быстро получать информацию и принимать решения. В глобальном масштабе это стало возможным только в последние десятилетия XX века, когда электронная коммуникация, обогащенная космическими средствами связи, стала атрибутом повседневной жизни. Постоянная информированность – главная предпосылка глобализации экономики. Но именно глобальная информированность населения, как мы старались показать выше, есть и предпосылка современного глобального противостояния "Север – Юг".

Общей предпосылкой глобализации – от экономики до терроризма – является глобализация информации, которая стала достоянием человечества в конце XX века.

Стихийное сопротивление глобализации со стороны современных луддитов вряд ли может существенно задержать процесс. Только организация способна на это, и потому роль вождей огромна. Это несомненно выдающиеся личности, независимо от того, играют ли они прогрессивную роль или исполняют человеконенавистническую партию на исторической сцене.

Нельзя не отдать должное злему гению Сталина, первого и до сего времени наиболее успешного антиглобалиста. Уже в начале 40-х годов прошлого века он понял, какую роль играет информированность народа, и опустил "железный занавес" (с глушением иностранного

радио, с запретом выезжать за границу, с жестокими репрессиями против распространителей информации о другом образе жизни). Перекрыв каналы информации для своих сограждан, Сталин сумел сохранить режим на много лет даже после своей смерти. В Саудовской Аравии сейчас, уже в XXI веке, спутниковое телевидение, насколько я знаю, запрещено. Тоже "железный занавес"??..

Население СССР было бедным и бесправным даже по сравнению с жителями поверженной Германии. Средний гражданин Саудовской Аравии – едва ли не самый богатый в сегодняшнем мире. Мы видим, что информированность населения – дело серьезное, государственное и при этом вполне регулируемое.

Что общего у этих двух столь разных режимов, применивших один и тот же метод для информационной изоляции населения?

Сталин готовил свой народ к войне с Западом, олицетворявшим демократический порядок. Информационная изоляция давала ему возможность воспитывать свой народ в ненависти к тому чуждому миру, узнать который ему было не дано.

В Саудовской Аравии сейчас действуют многие выдающиеся идеологи современного террора. В печати можно найти веские свидетельства, что и финансовая поддержка исламского терроризма в существенной степени происходит оттуда же. Так что не стоит удивляться совпадению методов управления, если совпадают стратегические цели.

Когда экономика координируется транснациональными корпорациями, межгосударственные отношения более миролюбивы, поскольку в возможном конфликте государств по обе стороны стоят одни и те же экономические силы. Экстерриториальный капитал полезен для сохранения мира. Но одновременно происходит и интернациональная глобализация противостояний. Сейчас это противостояние "Север – Юг". Оно определяется огромным географическим градиентом среднего достатка при сопутствующей экстерриториальной информированности населения. Информатизация современного мира, как и любое другое сильно действующее средство, наряду с огромными положительными эффектами, приносит с собою и не менее масштабные отрицательные последствия. Таковы парадоксы обратных связей в сложных системах.

6. Полицейские и проповедники

Итак, экономическая почва для протеста Юга – нищета, психологическая движущая сила – слишком прямое сопоставление уровня достатка с Севером, оружие – террор, командиры террора – честолюбивые вожди. Где находят эти вожди новых солдат-смертников? Кажется очевидным, что массовый набор происходит в протестной части населения, среди людей, которые по тем или иным причинам готовы преступить законы общества, в котором они живут. Этот же контингент порождает и обычную преступность, не связанную прямо с террором.

Конечно, не только нищета является причиной преступлений. По данным Интерпола, в благополучных Англии и Японии количество серьезных преступных нападений в оценке на 100000 жителей в среднем почти в десять раз меньше, чем в более процветающих Соединенных Штатах, а в Швеции, стране еще более благополучной по материальному достатку среднего гражданина, это число приблизительно еще в два раза больше, чем в США.

И в США, и в Швеции нищета как таковая вообще отсутствует, то есть отсутствует социальный слой людей, которые страдают от голода или у которых нет крыши над головой. Откуда преступность? Генетическая предрасположенность к асоциальному поведению известна со времен Ломброзо. О преступлениях на почве аффектов любви поведали нам Эсхил и Шекспир... Это вечный фон преступности в мире. Какие причины (помимо вечных) порождают преступления в условиях, когда заботиться о хлебе и крове не нужно, когда все это обеспечено государством?

Резкий рост преступности в США совпал с провозглашением программы welfare, позволяющей жить, не зарабатывая на жизнь. Лишь недавно, после некоторого ужесточения социальной политики, уровень преступности в США начал снижаться. Парадоксально?

Вот некое автонаблюдение. В начале 90-х годов я получил возможность выезжать за границу – на конференции или по приглашениям университетов. Мне хватало денег на проживание, но я, конечно, не мог себе позволить сколько-нибудь дорогостоящую покупку. Однако перед глазами – постоянно – соблазны дорогих магазинов. Поверьте, автор лишен даже минимальных устремлений к роскоши и ему никогда не хотелось закупить этих товарных чудес. Но острое осознание, что я принципиально не могу позволить себе покупку, которая доступна многим другим, вызывала у меня ощущение неполноценности, неравенства с окружающими, ощущение моей исключительно низкой позиции в иерархии. Зависть? Чувство ненависти у меня, как вы понимаете, не возникло, но я осознал, как оно может возникнуть в душе человека, несколько менее склонного к рефлексии.

Я много общался с эмигрантами. Чувства "свежих" эмигрантов похожи на те, что я обнаружил тогда в себе. У эмигрантов с большим стажем это чувство исчезает: их зависть чаще направляется по конструктивному руслу, а свободный мир предоставляет каждому возможность подъема по иерархической лестнице достатка при соответствующих усилиях. ***Усилия эмигранта, начинающего жизнь в новой стране и стремящегося к успеху, непременно должны превосходить усилия коренных ее обитателей. Именно зависть, конструктивная зависть эмигрантов способствует процветанию стран Северной Америки.*** Вот почему иммиграция в США поддержана правительством. Вот почему Германия сейчас снижает барьеры для мигрантов. Вот что такое "свежая кровь" для страны.

Но возможен и деструктивный вариант зависти. Ведь повысить свой достаток и социальный статус можно и с помощью, например, грабежа или демонстраций протеста. Я думаю, что преступниками в благополучных странах Севера становятся, главным образом, не те, кто зарабатывает на жизнь тяжелым трудом, а скорее те, которые развращены излишне либеральной социальной политикой своих правительств. Помните пример добросердечного президента Эйзенхауэра?

Действительно, зависть и положение в иерархии – важная движущая сила и конструктивных и деструктивных движений в сообществах.

Но каково бы ни было происхождение преступного протеста, чем больше людей, готовых преступить закон, тем значительнее "кадровая база" терроризма.

Насколько распространена преступность в мире?

Осторожные оценки показывают, что число людей, психологически готовых преступить закон, по крайней мере, не меньше 7-8% от всего

населения. Так что у терроризма огромный резерв даже в благополучных странах.

В странах Юга, где бедствует подавляющее большинство, процент населения, готового к действиям несанкционированного законом протеста, намного выше, чем в странах Севера. Поэтому общая направленность ненависти глобальна – общий враг – северный сосед: две башни в Нью-Йорке, символ Севера. Мы видели, как потенциал протеста преобразуется в фанатизм смертников при соответствующей идеологической обработке, при специальном обучении. Чем больше фанатиков, активно передающих свою идеологию, тем более вероятно появление новых фанатиков-смертников.

Можно составить кинетические уравнения, описывающие динамику изменения численности фанатиков-террористов. Эти уравнения должны, как я уже упоминал, совпадать с уравнениями кинетики цепных реакций. Я не стану приводить ни эти уравнения, ни их решения. Математика не создает новых идей для понимания мира, но позволяет точнее и быстрее получать и проверять выводы качественных моделей. Поэтому и ограничимся качественными соображениями.

Власти во всех упорядоченных государствах противопоставляют преступности и терроризму полицейскую силу. Полицейские с той или иной эффективностью вылавливают готовых преступников, но они не в силах предотвратить появление новых. Это совсем не дело полиции. Это дело контрпроповедников, которые могли бы научить молодежь гуманизму, чтобы он был действенной альтернативой идеологическому влиянию проповедников террора.

Вот что показывает анализ сопоставления роли проповедников и полицейских в сдерживании преступности. Если в исходный момент в данном сообществе уровень преступности очень высок, то роль сил подавления, число полицейских важнее, чем роль и численность проповедников добра. Если же уровень преступности падает ниже некой критической отметки, то определяющей в поддержании этого, не очень высокого, уровня криминальности становится роль проповедников и их численность.

Пугающая ситуация складывается, когда оказывается слишком много и полицейских, и проповедников, приверженных одной и той же "модели добра". Тогда идеология и власть действуют вместе. Искореняются преступления против установленного правопорядка, не только криминальные, но и идеологические. Если чересчур многочисленные полицейские и проповедники действуют заодно, то элиминируются не только сторонники других идей (других "моделей добра"), но и их возможные последователи. Это уже предпосылка возникновения тоталитарных режимов, что имело место в СССР Сталина, в Германии Гитлера, в Китае Мао. То же произошло в Ливии, Ираке и Иране в конце века. Свержение Саддама не устранит в одночасье сформировавшиеся стереотипы понимания населения, и оккупационным властям в Ираке предстоит далеко не мирные годы, даже если благосостояние народа они сумеют повысить. Влияние слова сохраняется надолго! ***Массовое идеологическое воздействие более фундаментально, чем силовое давление.***

Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что описанный сценарий, начисто устранивший преступность, приводит одновременно и к подавлению демократии, в частности плюрализма идей в обществе. Насколько этот сценарий соотношения свободы и власти удовлетворит нас с вами, читатель (конечно же, убежденных сторонников демократии, не так ли)?

Контрпропаганда должна была бы воздействовать не на уже сформировавшихся террористов, а на вероятность их появления как таковых. Контрпропаганда – это контрацепция в воспроизводстве террористов. Но есть ли у северного мира что-либо, действующее столь же убедительно на психику молодых людей, как проповедь бескорыстной жертвы ради своего бога, своего племени, своей семьи, своей славы, своего рая?

Очень точно сформулировал Александр Воронель: "...Для мусульманского фундаменталиста даже смерть еще не означает поражения. Гуманизм не сможет победить, не отыскав свою фундаментальную опору, которая казалась бы людям столь же несомненной, как мусульманам слова пророка". На мой взгляд, не только мусульманский фундаментализм обладает свойством такого воздействия на психику. Вспомните японских камикадзе, вспомните самосожжения диссидентов в Чехии. И не только мусульмане не жалели жизни соплеменников. Вспомните крестовый поход детей, организованный их фанатичными родителями-христианами в средние века. Вспомните Варфоломеевскую ночь в христианнейшей Франции. Вспомните погромы в православных России и Украине, Холокост в христианской Германии и захваченных ею странах. Не только мусульманство – носитель идеи смерти ради идеи.

В обстоятельствах сегодняшнего мира ислам оказался той религией, которую, главным образом, исповедует бедствующее население Юга. Я думаю, что именно поэтому именно ислам стал знаменем терроризма. В других обстоятельствах это могла бы быть любая другая религия, старая или новая, но непременно религия – нечто, во что верят без логики и доказательств.

Но я согласен с Воронелем в главном. В северном мире, по крайней мере, в нескольких последних поколениях высшей ценностью стала человеческая жизнь (вплоть до императивного требования к государственным демократиям отмены смертной казни или трагикомических демонстраций в защиту трехнедельных эмбрионов). При этом гуманизм Севера не имеет той идеологической опоры, которая могла быть противопоставлена оружию террористов – способности убить себя и убивать других во имя своей идеи. Для этого нужна внелогичная вера. Просвещенный Север ее отверг, или по меньшей мере, ослабил, и значительная часть северян заменила веру в Спасителя надеждой на могучую силу логичных и справедливых демократических принципов в духе Декларации прав человека. Но *похоже, что слепая вера не менее сильна, чем просвещенный разум. Сегодняшнее противостояние Севера и Юга – это во многом противостояние Разума и Веры, а не противостояние христианства и ислама.*

7. Сохранит ли Север свои демократические ценности?

На мой взгляд, нет. Не сохранит. Не сможет сохранить. По крайней мере, в том объеме и в той форме, которые выработал и к которым привык.

Вот несколько демократических принципов, от которых Северу предстоит в значительной степени отказаться, введя – в военное время – военное положение.

Прежде чем пояса террористов-смертников начнут пластиковой взрывчаткой, в их мозги (или души – как хотите) вставляют детонатор религиозной идеологии. Без этого – массового терроризма нет вообще. Несколько лет назад в Казани была закрыта медресе, многие из выпускников которой оказались в отрядах террористов. Отсутствие

контроля властей за религиозным образованием и воспитанием – важнейшая составляющая свободы вероисповедания. Эту роскошь демократия сейчас, на мой взгляд, не может себе позволить.

Свобода совести во время войны должна быть ограничена. Воспитание новых поколений и религиозные проповеди должны быть поставлены под контроль демократического государства, иначе сама демократия кует оружие для своего свержения. ***Свободе совести должна отвечать совесть свободы, и если свобода бессовестно используется во вред общественному устройству, она должна быть ограничена властью с помощью методов, не имеющих ничего общего с демократией.***

Еще один демократический институт, который в условиях военного времени должен быть ограничен, – это свобода слова и печати. Вспомните, как наши русские папарацци вели телепередачи во время московской трагедии в 2002 году, когда террористы захватили концертный зал с сотнями заложников. Репортажи в прямом эфире давали оперативную информацию террористам о действиях спецслужб, готовившихся к штурму здания.

Но дело не только в эпизодах такого рода. Выше мы обсудили причины конфронтации "Север – Юг" и выяснили, что одной из важнейших ее предпосылок является глобальная информированность всех обо всех. Я отдаю себе отчет в том, насколько "реакционно" мое предложение, но я его сделаю. Свободу слова и свободу печати следует ограничить. Конечно же, оценка и критика собственного правительства и его внешней и внутренней политики не должны иметь ограничений. Но я полагаю, что эффективную цензуру следует ввести не только в отношении прямой пропаганды ненависти или даже неприязни к другим народам или конфессиям. Необходимо строго контролировать также и распространение вполне безобидной на Севере, но взрывоопасной на Юге информации о счастливой жизни северян. Как ни странно выглядит это заявление – я считаю необходимым ввести цензуру и на благостные сюжеты Севера.

Мы уже обсуждали опасность этой информации, которая порождает и поддерживает среди южан образ единого врага. Мое предложение противоречит праву каждого на полную информированность? Да, противоречит! Но, даже рискуя потерять расположение дорогих мне друзей (мои-то друзья – интеллигенты и демократы, а как же!), утверждаю, что ***для выживания той цивилизации и той демократии, которые стали содержанием нашей жизни, демократия должна поступиться частью своих завоеваний, чтобы сохранить себя.***

Вот еще одно не менее кощунственное заявление. ***Искусство должно (по крайней мере сейчас, во время общемирового противостояния) не столько отображать жестокие реальности мира, сколько вести к гармонии – не к мицению взывать, но к миру!***

Искусство никому и ничего не должно – я знаю. Но писатель или режиссер непременно "видит" будущего читателя или зрителя и как бы заочно беседует с ним. Писатель, художник, певец должен думать о будущей реакции аудитории и публиковать массовыми тиражами только те из вещей, которые отвечают смыслам гуманности. Может быть, сказки о трех поросятах и о Белоснежке – это и есть "таблетки от терроризма"? Все, что не укладывается в рамки такой, несколько примитивной парадигмы, оставим для распространения по подписке, по кабельному телевидению.

Ограничив свободу слова в масс-культуре, нужно сохранить неограниченной свободу самовыражения. В отличие от стареющего Севера, средний возраст южан юный. Нынешнее поколение южан уже

отравлено ненавистью к Северу, нужно принять профилактические меры, чтобы не заразилось и следующее поколение. От того, как будет строиться масс-культура сейчас, зависит, как сложится жизнь человечества в ближайшие пару десятков лет. Именно несколько десятков лет необходимо, чтобы сменились поколения, именно сорок лет Моисея. Масс-культура может стать либо вакциной от глобальной ненависти, либо прививкой этой трудно излечимой заразы.

Слово "intelligencia" появилось в английском языке из русского, а не из латыни, как ни странно. По определению князя Мирского – это самое начало XX века – (цитирую по памяти): интеллигент – личность, суждения которой не зависят от всеобщего, господствующего, мнения. ***Интеллигенты всех конфессий и всех наций должны осознать, что место культуры и место интеллигенции – на нейтральной полосе. Это самое опасное пространство – между воюющими сторонами. Там стреляют с обеих сторон. Интеллигент – это парламентар. Интеллигент – не профессия и не свидетельство об образованности. Интеллигент – это призвание быть тем, кто может понять других. В наше время быть интеллигентом – это долг быть миротворцем.*** Не думаю, что мои определения слова "интеллигент" противоречат приведенному выше определению Мирского, разве только – они более императивны. ***Мы, интеллигенты, должны искать способ сосуществования Веры и Разума. С наименьшей кровью. Это наша миссия, господа интеллигенты.***

Я уже несколько недель писал эту статью, когда услышал, а затем нашел в интернете блестящее эссе обозревателя "Радио Свобода" Алексея Цветкова, который сравнивал две полярные точки зрения на будущее мира – идеалистическую веру в прогресс Роберта Райта и трагические выводы Роберта Каплана. Как и Цветков, я очень хотел бы верить в утопию Райта: мир много раз казался самому себе на краю уничтожения, но все до сих пор обходилось, обойдется и сейчас, прогресс, так сказать, непобедим. На мой взгляд, в самом лучшем случае, мы могли бы надеяться, что удастся сохранить хоть что-то от нынешней цивилизации и от ее, возможно, главного смысла – демократии.

Я только что написал, что для сохранения демократии придется поступиться многими ее завоеваниями. А вот слова Цветкова: "Мрачные прогнозы Каплана требуют мер, характерных скорее для тоталитарных, чем для демократических обществ. Если для глобальной цивилизации потенциально опасен каждый человек с телефонным гнездом (для интернета) или чашкой Петри (для производства бацилл сибирской язвы), то у государства нет иного выхода, кроме как взять под контроль все гнезда и все чашки, а прежде всего – людей".

Выводы Каплана, Цветкова и мои, к сожалению, очень близки.

И все-таки! Интеллигенция должна действовать, пока остается хоть какая-то надежда. Культура – дитя цивилизации. Может ли цивилизация надеяться, что ее дети ее защитят? Интеллигенты всех стран, объединяйтесь! Для этой цели.

8. Нервная система, муниципальная полиция, акции возмездия и архитектура XX I века

В начале 60-х годов по квартирам советских интеллигентов чуть ли не в списках ходил текст статьи двух уже тогда знаменитых математиков И.Гельфанда и М.Цетлина. Не то чтобы статью запретили, но долго не печатали, опубликовали только в 1966 г. Статья посвящена анализу систем взаимодействующих автоматов с определенной

емкостью памяти. Авторы показали, что такая система приобретает устойчивость в двух предельных случаях. Первый – когда система становится интегрированной, так что каждый отдельный автомат взаимодействует с другими – с ближайшими соседями в первую очередь – через некий централизованный орган и имеет связь со всеми другими автоматами. Второй устойчивый предел, если система разбивается на множество мелких подсистем, в каждой из которых взаимодействие сильное, а связи с другими подсистемами ничтожно слабы.

Разумеется, авторы не делали никаких политических выводов и имели в виду объяснить происхождение клеточного строения живых организмов и роль центральной нервной системы в деятельности высших организмов с точки зрения теории информации. Но многие читатели увидели в этой модели аналогии, в частности, предсказание распада гигантского Союза советских республик и (или) – образования глобальной системы с мировым, так сказать, правительством. Как мы знаем сейчас, анализ Гельфанда и Цетлина, относившийся к деятельности биологического организма, дал вполне точный политический прогноз.

Действительно, Союз развалился по национальному признаку на более мелкие части, (дальнейшее дробление тоже вполне вероятно), а в глобализации нынешнего мира можно видеть воплощение второго предсказания этой выдающейся математической работы. И в самом деле, похоже, что политическая карта Земли становится все более подобной многоклеточной структуре организма. Несколько десятков штатов с собственной системой жизнеобеспечения, со своими законами не только уживаются, но оказываются мощной силой в составе единого организма, соединившего штаты. Почти так же выглядит сейчас и Европа. Помимо всего прочего: неприятности в одной клетке (нарушение метаболизма или бунт, например) не приводят к дезорганизации всей системы, и небольшая федеральная помощь становится решающей для устранения локальных бедствий.

Объединение сравнительно небольших и во многом самодостаточных клеток (государств) центральной нервной и кровеносной системами (центральными координирующими органами политики и экономики) – точное подобие строения организма, по-видимому, самого эффективного устройства управления в природе. ***Путем ушибов и ошибок, чаще всего кровавых, человечество строит свой совершенный организм.***

Иерархическое строение клеточного организма оптимально и при отражении нападения. Если вы подхватили грипп, то весь организм, все его более или менее автономные "штаты" вступают в общую координированную борьбу с болезнью, которая представляет опасность для организма в целом. Если же вас атаковал комар, а Центральный Комитет Объединенных Начальников Штабов не успел отправить силы быстрого реагирования к вашей щеке, чтобы прихлопнуть агрессора в момент атаки, то волдырь вам обеспечен. Вряд ли этот волдырь вызовет генерализованную реакцию всего организма – повышение температуры, мобилизацию иммунных сил и проч. Нет, ваш организм как целое не будет участвовать в борьбе с волдырем на вашей щеке. С этой локальной угрозой вполне успешно справляются "муниципальные власти" организма, используя локальные ресурсы, чуточку увеличив приток крови, добавив, тоже локально, немного лишних лейкоцитов... Если вас атаковал не комар, а оса, реакция будет несколько более общей. Этому рациональному способу ответа на опасность человечество должно научиться у организмов людей, которые его составляют. Муниципальные власти должны иметь свой ресурс защиты,

достаточно автономный, не зависящий всецело от инерционных решений центральных органов. Децентрализованному и спонтанному нападению должна быть противопоставлена малоинерционная децентрализованная защита. Речь идет сейчас не о стратегии противостояния террору, а о тактике борьбы с ним.

Конечно, очень богатые люди могут позволить себе создать собственную службу защиты. Тем, кто такой возможности не имеет, нужно позаботиться о коллективной защите. В Мехико, например, гигантском и по территории, и по населению городе, но малоэтажном из-за сейсмической опасности, целые кварталы составляют так называемые "кондоминиумы", въезд и даже вход в которые – только через пропускной пункт с телевизионным контролем посетителя хозяином дома, куда направляется гость. То же может быть устроено по периметру большого количества загородных домов, где живут сейчас многие горожане в США и Австралии, например. Многоэтажные строения в больших городах должны были бы быть огорожены стенами на расстоянии от дома – с тем же контролем. Пожалуй, это изменит стиль градостроительства в ближайшем будущем, поскольку террористическая война продлится десятки лет.

Служба профессионалов и содействующего им населения на небольшом участке, когда всех жителей знают "в лицо", тоже станет препятствием для террористов. Разумеется, профессионалы в этой децентрализованной защите должны располагать необходимыми техническими и боевыми средствами и быть организованы властями, которые делегируют "участковым" необходимые полномочия.

Не мне, кабинетному идеалисту, давать рекомендации профессионалам! Но главное: защита от террора должна быть иерархически системной – с неременной компонентой на "клеточном" уровне. Глобализация и централизация должны объединять достаточно автономные подсистемы защиты.

В числе наиболее распространенных профессий в северном мире в ближайшие десятилетия станут профессии солдата, полицейского и охранника. Очень скоро статистика будет учитывать распределение занятий активного населения не только по синим и белым воротничкам, но еще и по зеленым.

В самом начале статьи я написал, что стратегия войны, которую вынужден вести цивилизованный мир, не будет иметь ничего общего со стратегией войн прошлого и что Север с неизбежностью будет применять методы, которые сейчас использует его противник. Мобильные и подготовленные отряды спецназа – одна из немногих возможностей превентивной борьбы с децентрализованным противником. Спецназ – элитные подразделения – это люди, которые ежеминутно рискуют жизнью. Нужно не жалеть средств ни на их экипировку, ни на их заработок. Точечные удары по лидерам террористов, которые практикует Израиль, – ответ на террор методами террористов. Не следует осуждать это заимствование. Иначе вожди террористов чувствуют себя в полной безопасности. Северному миру придется взять на вооружение методы, используемые врагами.

9. Национальные родники мировой культуры

Еще один важный аспект глобализации, находящийся на стыке тактики и стратегии выживания нынешнего миропорядка, – это проблема космополитической ассимиляции в противопоставлении сохранению дифференциации наций, сохранению их языков и особенностей культуры.

Несомненно, культура является достоянием всего человечества: пирамиды Мексики и Египта, архитектура Корбюзье и Нимайера, каменные изваяния на островах Пасхи и "Вечная весна" Родена, поэмы Гомера и пьесы Чехова, Рембрандт и Пикассо, Людвиг Бетховен и Луи Армстронг... Все мы пьем из этой общей реки. Противники глобализации выдвигают, как основной мотив, опасность утери национального своеобразия в вавилонском смешении стран, наций, рас и культур. Нередко именно этот мотив становится идеологией противостояния, наряду с религиозными мотивами. Анализ В.Петрова, одного из основоположников исследования и прогнозирования культуры на основе современной теории информации, показал, что такая опасность существует. Разнообразие культур дает не только новые стимулы для развития при взаимодействии разных этносов, но и определяет устойчивость существования культуры как таковой. Так река сохраняет устойчивость, только если она питается не из единственного родника.

Подобный результат получил когда-то и автор, исследуя вероятность выживания слабейших особей в популяциях. ***Оказалось, что наличие у слабейших некоторого шанса выжить во внутривидовой конкуренции определяет возможность сохранения всего вида при резко изменившихся условиях существования. Именно слабейшие могут оказаться наиболее приспособленными к новым условиям. В этом, на мой взгляд, и состоит определяющая роль культур разных, в том числе и малых народов. Культурное и этническое разнообразие является гарантией устойчивости человеческой популяции в целом.***

Глобализация мира должна сохранить культурно-национальную автономию, иначе не сохранится мир. Это предсказывал еще Карл Каутский сто лет назад, когда зачатки интеграции населения Земли едва можно было разглядеть. Нынешний, принципиально новый уровень информированности начала XX I века сделал это предсказание актуальным. Этот вывод почти дословно совпадает с заключением предыдущего раздела, посвященного совсем, как будто, другому: устройству организма и организации защиты от террора по принципу централизованного альянса отдельных клеток. ***У природы не так уж много хороших идей. Только бы научиться их понимать и использовать!***

Уместно именно здесь указать, что культура становится едва ли не единственным мостом для эмоционального общения народов, поставленных историей по разные стороны барьера среднего достатка. Не следует приравнивать перо к штыку. Напротив, культура дает надежду на то, что народы перекуют мечи на орала. Вместе с другими институтами мироустройства культура тоже глобализуется, и ее роль должна стать миротворческой. Подчеркнем, что максимальный обмен информацией о **культурных** достижениях всех стран является, конечно, в высшей степени полезным для поддержания мира. Так что глобальная информированность – конечно, не только зло. Важно только отделять зерна от плевел.

10. Правило Кузнеца и географические градиенты достатка

Нобелевский лауреат 1971 года по экономике, американец, родившийся и проживший свои первые двадцать один год в Харькове, Шимон Кузнец показал, что по мере развития страны распределение личного дохода со временем сглаживается. В развивающихся странах вначале, в первые примерно десять лет, неравенство резко возрастает,

но затем начинает убывать. Именно такую эволюцию претерпел Тайвань. Это же явление наблюдается в России, Украине и Казахстане, где идет уже второе десятилетие с момента запуска рыночных отношений.

Казалось, социально-экономические законы Кузнецца могли бы быть применимы и к эволюции распределения среднего (подушного) достатка между странами. В последние полвека это действительно наблюдается – но только внутри сообщества стран Севера. Диспропорция же между Севером и Югом остается огромной и даже усугубляется. Мы с вами, вслед за профессиональными экономистами и политологами, конечно, понимаем, что это и есть главная предпосылка конфронтации Севера и Юга.

В.Петрову удалось показать, что правило Кузнецца применимо к экономическим совокупностям только в том случае, если они составляют общую систему, отрабатывающую единый алгоритм: обеспечение максимальной продукции при минимальных затратах общего ресурса. Между тем многие страны Юга не делают никаких попыток войти в эту общую систему. Более того, лидеры этих стран совершенно целенаправленно отталкивают мировую систему, полагаясь на собственные природные ресурсы и на безработность своего малообразованного населения. Закономерности Ш.Кузнецца работают в условиях самосогласованного рынка и не могут быть применены к внеэкономическим режимам. Потому эти страны и не могут войти в общую мировую систему и воспользоваться, хотя бы отчасти, общим процветанием.

Грандиозный эксперимент с нерыночным устройством экономики был проведен в СССР. Он длился 70 лет и проиграл в соревновании с рыночной системой. Можно не сомневаться, что и новые государственные эксперименты такого рода проиграют. Но время релаксации (время прихода к стационарным законам развития Кузнецца) таких процессов оказывается слишком большим (70 лет – это три поколения). *Лимитирующим фактором для мира в целом стал как раз ресурс времени, хотя и многие другие природные ресурсы близки к истощению. У человечества уже нет времени ждать естественного хода эволюции мира к всеобщему согласию, и, как мы видели, есть веские основания думать, что мир взорвется раньше, чем образумится.*

Надежды на то, что кризис пройдет "сам собой", не обоснованы. "Естественных" причин, ведущих к преодолению нынешнего кризиса, у человечества практически нет. Только борьба за собственное выживание.

11.Что такое победа в Третей мировой войне?

Как ни был зловещ тоталитарный коммунистический режим, Западу и Востоку удавалось договориться, поскольку перспектива ядерной войны осознавалась обеими сторонами как катастрофа. Взаимное ядерное устрашение и постоянная информированность противников предотвратили Третью мировую войну во второй половине XX века. Было понято, что в такой войне победа невозможна.

Идеология терроризма не ведает ограничений, связанных с гуманностью и сохранением жизней. Поэтому угроза ядерного, бактериального или химического уничтожения значительной части населения Земли, в том числе "своего" населения, не рассматривается идеологами террора как аргумент в противостоянии. Появление такого оружия у террористов – не просто возможное поражение Севера, это

поражение человечества как биологического вида. Северная Корея (на Корейском полуострове "Север" и "Юг" иронически поменялись местами), которая, кажется, не претендует на мировое господство, но намерена сохранить свой режим, демонстрирует на любительской сцене репетицию ядерного шантажа.

Любая ли война заканчивается чьей-то победой и чьим-то поражением? Что произойдет, если победит "Юг"? У его идеологов нет позитивной программы действий после победы. Мы видели это на примере военной победы талибов в Афганистане. Кроме чадры для женщин и уничтожения символов других религий, они ничего не сумели предложить.

Все-таки военная победа Юга вряд ли возможна. Эта "победа" может заключаться только в одном: для самозащиты северному миру придется превратиться в глобальное полицейское сообщество. Плоды такой победы не принесут ни процветания страдающей популяции Юга (наоборот, его положение ухудшится), ни места на вершинах иерархии его террористическим лидерам (впрочем, "подвиг" Герострата сделал его славу бессмертной). Но развитие Севера на длительное время будет приостановлено, он будет отброшен назад, по крайней мере в отношении демократических и социальных завоеваний, а его экономика и социальные институты будут надолго милитаризованы. Даже сохранение status quo во взаимоотношениях "Север – Юг" – это не победа Юга, но поражение Севера.

Настолько же, насколько поражение Севера не может стать победой Юга, настолько и военная победа Севера не станет поражением Юга.

Победой Севера было бы искоренение социальной базы его сегодняшнего противника. Как мы видели, это потребует выполнения нескольких важнейших условий, каждое из которых сопряжено с огромными финансовыми затратами.

1. Прежде всего, это затраты на силовое противодействие вооруженным угрозам террористов на территориях стран Севера, так же как на подавление партизанских действий на территориях, где формальная власть принадлежит режимам (в том числе оккупационным), поддерживающим принципы гуманности, но которые ненавистны по той или иной причине значительной части населения. Какова бы ни была причина этой ненависти (является ли она результатом пропаганды проповедников террора или обусловлена погрязшим национальным чувством, или вызвана жаждой мести, может быть, и справедливой...), но она приводит к длительной партизанской войне. Такая война принесла победу Алжиру, Вьетнаму и талибам в Афганистане, такая война идет сейчас в Чечне и снова в Афганистане.

Такая же война началась в Ираке. Я не берусь судить, имелись ли достаточные основания у США и Англии, чтобы игнорировать резолюции ООН, но вполне очевидно, что страны коалиции, точно подсчитавшие материальные и человеческие жертвы в блицвойне, полностью просчитались в оценках последствий военной победы. Партизанские войны с делокализованным противником пока, по видимому, не поддаются расчетам. Но уже сейчас человеческие потери оккупационных войск превосходят их потери во время акции вторжения. Силовые решения требуют огромных затрат.

2. Но еще большие затраты составят убыточные финансовые вливания Севера в социальные системы Юга. Конечно, это благородное дело – накормить обездоленных, но и сугубо прагматически: это уменьшит протестный потенциал населения. И ослабит поддержку партизан. Эти вливания должны делаться адресно и при тщательнейшем контроле представителей Севера. Последнее – невероятно важно и

наименее выполнимо. Огромно количество примеров, когда безвозмездная гуманитарная помощь становилась денежным достоянием посредников и властей в странах, которые великодушный Север намеревался спасти от голода. Реальна также опасность, что появление бесплатной пищи и одежды приведет к разорению и без того слабого местного производителя. Так что жесткий контроль и мониторинг экономики стран, которым оказывают помощь, необходим.

3. Но самой важной задачей Севера должна стать организация контрпропаганды с целью ослабить или вообще устранить влияние пропаганды ненависти. Мы уже упоминали, что вероятная длительность противостояния соответствует приблизительно времени жизни целого поколения. Эта статья расходов Севера обещает стать наибольшей, а соответствующая программа – самой долговременной. Контрпроповедники – миссионеры, противопоставляющие гуманные идеи идеям террора, должны воздействовать не на террористов – здесь уже ничего не поделаешь – и даже не на поколение уже сформировавшихся людей, зараженных идеей ненависти, сколько на новые поколения, которым эту ненависть еще не успели внушить проповедники террора.

12. Макиавелли-XX I

Господи, до какого же мракобесия я договорился! Ограничить свободу слова, контролировать религиозные отправления, надеть ошейник на культуру, усилить полицейский аппарат... И это писано рукой человека, который лишь 15 лет назад благодаря Горбачеву впервые ощутил счастье читать, говорить и писать без страха быть преданным за это гражданской казни! Именно этой недавно обретенной свободой я пользуюсь и сейчас – с гнусной целью свободу ограничить. Но нельзя не согласиться с формулой Энгельса: все-таки "свобода есть осознанная необходимость".

Попробую и я, как когда-то не слишком приближенный к трону Никколо Макиавелли, дать несколько наивных и непрошенных советов государям.

Мой первый почтительнейший совет государям- XXI : регламентировать рамки свободы в том смысле и в той мере, которые мы обсуждали выше.

Второй совет: направить значительную часть национального дохода стран Севера на просвещение собственного населения и населения стран Юга, уделяя специальное внимание пропаганде идей гуманности. Для этой цели просвещенным государям стоило бы создать специальный корпус профессиональных учителей – проповедников. Не добровольческий Корпус мира, а государственную службу миссионеров.

Третий совет: государям-XX I стоило бы, не скупясь, тратить деньги своих налогоплательщиков на безвозмездное подкармливание нищего населения Юга, добавляя в эту гуманитарную помощь вполне адекватную ей приправу проповедей гуманизма.

Четвертый совет: силовое противодействие терроризму должно быть не просто достаточным, но избыточным. Потратив деньги на защиту собственного народа, государь обретет его благодарность.

И, наконец, пятый совет. *Я понимаю, что словосочетание "демократический государь" отдает неким сарказмом. Но без всякой иронии: Просвещенные государи всех стран, объединяйтесь! Объединяйтесь, чтобы сохранить гуманистическую идею*

мироустройства и восстановить полную демократию после победы.

Простите меня, милые мои – и единственные – друзья-демократы! Наше дело человеколюбивое, постараемся, чтобы победа осталась за нами.

И спасибо двум ближайшим моим демократическим друзьям, Владимиру Петрову из Москвы и Александру Мишуловичу из Чикаго, критические и конструктивные соображения которых были стимулирующими для автора.